

ван Лейден Лукас

19.12.02

Лука из Лейдена

ГМИИ показывает 74 его гравюры

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

Весьма немало, если учесть, что науке известны не больше двух сотен сюжетов, вышедших из-под резца великого нидерландского художника. Что Лукас ван Лейден, как звали его на родине, воистину велик, современные ему ценители не сомневались, а вот их потомкам долгое время застил глаза другой гигант северного ренессанса — Альбрехт Дюрер. Только в XX веке историки искусства разобрались (видимо, уже окончательно) с весовыми категориями и творческими достижениями давних лет, так что нынешнего экспонента можно смело называть звездой первой величины.

Впрочем, коллекционеров в этом убеждать никогда и не требовалось: уже четыреста лет назад оттиски с досок Луки считались в Европе раритетами. Российские собиратели-неофиты поспели к шапочному разбору, но все же самые упорные из них своего не упустили. То, что сейчас демонстрируется в зале истории ГМИИ, происходит из дореволюционных коллекций Баснина и Мосолова. После классической двухуходовки (сначала дары от вла-

дельцев попадают в Румянцевский музей, затем его фонды расчлениются в интересах победившего пролетариата) эта подборка счастливо не была разрознена. Сегодня она самая весомая и репрезентативная в стране.

О биографии Луки Лейденского, несмотря на его бешеную прижизненную популярность, известно крайне мало. Ни года рождения, ни списка учителей, ни выразительных исторических анекдотов. Говорят, он постигал азы своей профессии не в студии художника, а в мастерской оружейника. Версия если не правдивая, то правдоподобная: на выставке сразу ощущаешь соединение филигранной тонкости с решительностью, что свойственно для цеха прикладников. Лука резал гравюры без предварительных эскизов, а ведь изображение на доске с будущим оттиском на бумаге соотносится зеркально... При таком ремесленном напоре — высочайшая художественная культура: позднейшие голландские живописцы, включая еще одного лейденца — Рембрандта Харменса ван Рейна, по этим черно-белым листам учились передаче световоздушной среды.

Новые Известия — 2002 — 19 дек. — с. 7.

Кроме создания «живописных» эффектов с помощью комбинации штрихов, художник прославился сюжетным первопроходчеством. Смело брался за эпизоды из Библии, которые прежде считались «неизобразительными» (к примеру, «Адам и Ева после изгнания из рая» — образчик работы на самой границе текста Писания). Однако важнейшим его вкладом в развитие искусства стали сценки из крестьянского быта: отсюда есть пошла вся дальнейшая жанровая волна, назови хоть старшего Брейгеля, хоть «малых голландцев». Отправной пункт — знаменитая «Молочница», где всего-то парень, девка и корова. Традиционно эту вещь толкуют как аллгорию прелюбодеяния, но пристальный интерес художника к действительности перебивает выморочную мораль.

Из этих же гравюр проистекает фирменный прием голландского искусства: запятывание и рассеивание смысловых акцентов в глубине произведения. Святой Георгий задумчиво беседует на первом плане со слегка расстроенной принцессой, а ужасного дракона едва можно различить на фоне скал. Два почтенных старца что-то

Фрагмент гравюры «Танец Марии Магдалины».

горячо обсуждают в непосредственной близости от зрителя, а весьма в стороне, почти без всякой связи с происходящим благочестивая Сусанна собирается перейти к водным процедурам. Не зная либретто, не уловишь интриги; зато когда сюжет известен, получаешь огромное удовольствие от того, как мастерски выверены все ходы. Сошлемся на прославленного Джорджо Вазари: по его словам, композиции Луки из Лейдена «выполнены с такой ясностью, что и в самом деле кажется, что изображаемые им события не могли произойти иначе».